Воспоминания старожилов сел и деревень, бережно сохраняющиеся в памяти их предков, - настоящий кладезь для исследователей-краеведов, историков, желающих узнать как можно больше о событиях давно минувших не то, что дней – веков. Ибо именно такие вот простые, бесхитростные рассказы, которыми в долгие зимние вечера потчевали своих внуков бабушки и прабабушки, позволяют приподнять краешек туманной завесы, отделяющей нас от тех времен, когда сам уклад жизни в глубинке России разительно отличался от уже привычного нам уклада сегодняшних дней или недалекого прошлого. Одной из таких хранительниц преданий старины глубокой является Лидия Федоровна Геранина, уроженка села Саловка, где родились, жили и были похоронены ее прапрадеды и прадеды. И хотя с той поры, когда она сама босоногой девчонкой с шумной, веселой ватагой сверстников бегала по улицам родной Саловки, минуло немало лет, в памяти ее и по сей день живы рассказы прабабушки и бабушки, которые она, всегда слушала, затаив дыхание. Возможно, что-то из этих рассказов-былей следует отнести на счет деревенского фольклора или преданий, но в основном складывающаяся, как в мозаике, яркая картина дает представление о многих страничках из быта дореволюционного села…

Лидия Федоровна Геранина с сыном Валерой, дочерью Татьяной и племянниками, приехавшими к ним в гости с Урала. Такие вот «семейные» прогулки по окрестностям Саловки они всегда любили. Причем, дети не только собирали грибы да ягоды, но и узнавали от Лидии Федоровны немало интересного из истории села.

Улица, шириной
в один ухват

В стародавние времена Саловка была, хоть и крупным селом, но имело всего одну улицу, вытянутую вдоль дороги. Дома друг против друга стояли так близко, что, как шутили сельчани, если бы хозяйка одного дома высунула из окна ухват, он, в аккурат, бы дотянулся через дорогу до окна соседнего дома. Только на лошади можно было проехать по этой улице. Нынешняя крупногабаритная техника напрочь бы увязла, зацепившись за края домов. Все это и сыграло раз с сельчанами злую шутку. Когда в Саловке вспыхнул пожар, «огненный петух» легко перелетал от одного деревянного строения к другому, оставляя после себя пепелище. Саловка тогда выгорела почти полностью, чудом уцелели лишь три дома. Крестьяне были в поле, как раз шла жатва, в селе оставались лишь немощные старики да малые дети. Они успели попрятаться в

овраг, тем и спаслись от лютой погибели.
А потом в село приехал землемер, которого привез барин. Землемер ходил по Саловке, отмеряя расстояние: от одного будущего дома до другого напротив не менее десяти саженей, или по нынешним меркам двадцать метров. Между домами по одной стороне улицы тоже делали прогал побольше.
Отстроилось село быстро. Да и барина мужики шибко опасались, суров он был очень. Старики вспоминали, как жестоко обошелся он со своим сыном. Тот непутевый был, проиграл в карты полсела вместе с крестьянами. Так отец сам заковал его в кандалы и отправил на рудники. А вот в Старошайговском районе, куда к новому хозяину перешла проигранная часть села, возникла деревушка Малая Саловка. Однако, дома в Старой Саловке не долго пустовали. Вместо утерянного имущества барин купил еще крепостных крестьян и поселил их на своей земле.

«Чтобы уродов
не завелось»

При всех негативных чертах характера барин был рачительным хозяином. Хотя эта его рачительность проявлялась порой жестоко. Раз в году на Троицу, когда он приезжал в Саловку, барин повелевал выстроить на улице всех молодых девок и парней. Проходил вдоль строя, как генерал на плацу, и выбирал пары будущих супругов. Подбирал так, чтобы красивой девке доставался муж поплоше лицом, а красивому парню, наоборот, страшненькая жена. Молодых сразу же венчали в церкви. Делал это для того, чтобы дети рождались пригожими. А-то какое может быть потомство у тех пар, где родители страшны на вид? Ну, а если кто осмеливался ослушаться… Крестьяне долго потом шепотком, боязливо оглядываясь, передавали рассказ о бедной девушке, посмевшей перечить норовистому хозяину. Была она первой красавицей на селе. Ликом пригожа, станом тонка, косы русые до пояса. И отказалась идти замуж за того, кого выбрал ей барин, другой глянулся девице. Да вот только не довелось счастья изведать, по приказу хозяина повесили девушку на воротах ее же дома, а петлей послужили ее же косы русые.

И была та церковь добротна и красива

В 1812 году в честь ознаменования победы над французами повелел барин строить в селе церковь. Каждого крестьянина, у кого во дворе была лошадь, заставили возить торф. Место для церкви выбрали красивое, на пригорке, чтобы храм издалека был виден. Туда и свозили торф, сделали насыпь, утрамбовали. Потом - новый оброк - со всех дворов крестьянки яйца куриные сносили. Да не в подоле, а в решете. Для каждого свое задание – столько-то раз решето, полное яиц, надо было принести к месту стройки. Как говорили старики, строили церковь сорок лет. Зато замешанный на яйцах фундамент получился такой прочный, что, когда в тридцатые годы церковь пытались разрушить, ее пришлось взрывать два раза. Даже детей – школьников тогда заставляли кидать в строение «коктейль Молотова». Да поначалу все без толку было. Подвалы же каменные и склепы сохранялись очень долго. Лидия Федоровна еще девчонкой тоже лазила в склеп. Как она впоследствии рассказывала, там была похоронена жена барина. В склепе стоял памятник из белого мрамора, верх его был

круглый, как шар. На памятнике виднелась надпись: «Салова …. Яковлевна». Имени было не разобрать. Сам барин тоже был похоронен в склепе. Когда склеп порушили, достали четыре гроба. Саловы были захоронены сразу в нескольких гробах. Сначала шла обычная деревянная колода. Потом – свинцовый, а под ним был уже деревянный гроб. Когда сняли крышки, собравшиеся сельчане увидели, что тела похороненных мумифицировались, иссохли, словно тонкий лист. Салов был одет в генеральский мундир с окантовкой. Сапоги выглядели, как новые. Жена его была одета в кисейное светлое платье. Но когда до платья дотронулись, все сразу начало рассыпаться прахом. Останки вывезли на старое сельское кладбище, там и перезахоронили.

То был барин
добрый, хороший

Если генерал Салов наводил на крепостных страх своим крутым нравом, то о зяте его, барине Тимирязеве, сохранились самые добрые воспоминания. Он был очень добрый, душевный. Дед Лидии Федоровны Ефим в поисках заработка уезжал на Ленские прииски, там даже принимал участие в восстании. Чудом остался жив после Ленского расстрела. Так вот, когда он находился в одной из поездок, у них с женой сгорел дом, а семья была большая. А тут как раз приехал Тимирязев. Увидел такую беду и говорит жене Ефима: «У меня есть новый сруб под баню, забирайте и обустраивайтесь!» Так и поставили новый дом. Когда после революции начались репрессии, Тимирязева не тронули. Дали ему тройку и сказали: «Забирай все самое дорогое и уезжай с Богом!» Он уехал, но потом несколько раз приезжал в село. Ходил по саду, который сам посадил. Совхозные работники внимательно следили за ним: почему-то решили, что барин вернулся выкапывать клад, который якобы зарыл в саду. Примечали, где он останавливался, а потом, засучив рукава, копали до седьмого пота. Но, конечно, никакого клада не отрыли.

«У меня нарядов много…»

О том, насколько трудно жилось до революции простым крестьянам, свидетельствует и песня, сложенная местными песенниками:
«У меня нарядов много, три шеста навешано.
Юбка, кофта и платок – еще какого лешего?!»
Бабушка Федосья вспоминала, как ходили в церковь. До церкви шли в лаптях, а при входе в храм одевали сапоги. Эти сапоги передавались по наследству. Хоть и не голодали, но и особого достатка в домах не было. Средне жили. Зато как веселились в праздники! Гуляли три дня. Сначала у одних родственников, потом переходили к другим. Потом – к третьим. В родне у Лидии Федоровны все были голосистыми, пели так, что заслушаешься. Вот только дед по отцовской линии петь не мог: в первую мировую попал в газовую атаку немцев. Только кашлял сильно и хрипел. Прожил мало, умер в 1927 году.
А еще Саловка всегда былы красивым селом. Мама Лидии Федоровны, Акулина Ефимовна, рассказывала, как она, еще будучи девчонкой, помогала сажать деревья на «барской аллее», тянувшейся до церкви. Ребятне, помогавшей взрослым, тогда дали каждому по десять копеек. Для них это было целое состояние. Березы эти, правда, до

наших дней не сохранились, в тяжкие, смутные, послереволюционные времена их вырубили на дрова.